

ПРОТОКОЛ СВЯЗИ
// 7A-91

СЕССИЯ АКТИВНА •

СЕАНС

НЕ ВСЕ СЕАНСЫ МОЖНО ЗАВЕРШИТЬ

7A

91

Nar-In

Nar-In
CEAHC

«Автор»

2026

Nar-In

СЕАНС / Nar-In — «Автор», 2026

2068 год. Москва превратилась в гигантскую сенсорную экосистему, которая знает о человеке всё: его настроение, привычки, предпочтения и даже намерения. Михаил работает инженером в «Градиенте», корпорации, сделавшей такой мир реальностью. Но даже здесь остаётся нерешённая проблема — смерть. По просьбе родителей он использует служебный доступ, чтобы создать цифровую копию погибшей младшей сестры. Это не просто голограмма, а полноценная эмуляция сознания, сохраняющая память, эмоции и характер умершего. Технология «Сеанс 2.0» обещает невозможное — продолжение общения после смерти. Пока корпорация готовится к публичной презентации проекта, Михаила всё чаще одолевают сомнения. И чем ближе день запуска, тем больше вопросов возникает у него к собственным воспоминаниям, к судьбе «Сеанса 1.0» и к самой природе технологии. Ведь то, что должно было стать лишь цифровой копией человека, постепенно начинает выходить за пределы заданных алгоритмов.

© Nar-In, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Запись 1	5
Запись 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Nar-In СЕАНС

Запись 1

Эти записи были восстановлены из бумажного дневника, служебных логов и фрагментов личного архива после инцидента, часть материалов о котором впоследствии была удалена корпоративными системами. Изначально журнал велся по предписанию отдела благосостояния сотрудников «Градиента» как элемент обязательного психологического мониторинга. Некоторые записи сохранились полностью, некоторые оказались повреждены или восстановлены лишь частично, поэтому отдельные фрагменты расположены не в хронологическом, а в реконструированном порядке. Разрывы в тексте соответствуют данным, которые не удалось восстановить.

Москва | 2069-04-19

06:07

Сегодня секундомер кардиомониторной системы записал, взывая к пробуждению, в 06:17:05.749: с задержкой уже в семнадцать минут, пять секунд и семьсот сорок десять миллисекунд, — глаза я открыл ровно в 6:00.

— Доброе утро, Андрей. Зафиксирован повышенный уровень тревожности. Рекомендуется снизить интенсивность рабочих нагрузок. — Огласил женский голос муниципального инфраструктурного ассистента.

Невольно усмехнулся.

Во-первых, я не Андрей. А Михаил.

Во-вторых, совет снизить рабочую нагрузку в «Градиенте» звучит примерно так же, как попросить перегруженный вычислительный кластер не греться.

В-третьих, до сих пор не понимаю, почему система, разработанная корпорацией, в которой я же и работаю, уже третий месяц с переменным успехом называет меня нужным именем. Видимо, в пакет услуг вместе с корпоративным повышением и квартирой классом выше всё-таки не шла еще и корректно откалиброванная идентификация нового жильца.

Привычка просыпаться ровно в 6 (ни миллисекундой позже) у меня уже давно выработалась, а вот система почему-то отказывалась отрабатывать четко по таймингу. А ведь капсуле еще нужно подготовить мое тело к пробуждению, что занимает минут 15-20. Над изголовьем тихо работал блок нейросенсорной телеметрии: тонкие лидары считывали движение глаз, микросокращения мышц и фазовые колебания дыхания, чтобы подобрать оптимальный момент вывода из сна. Если интервал задержки станет еще больше, то в конечном итоге буду везде опаздывать. Было бы не так обидно, если бы она будила раньше установленного в настройках времени, ведь собственное время — это чуть ли не единственное, что сейчас может предложить человек. Надо будет оставить заявку в обслуживающий комплекс. СНОВА.

Роговичный датчик показывал:

> УТРЕННИЙ БИОСКАН...

> СИНХРОНИЗАЦИЯ С ЦНС...

ПУЛЬС: 83

ВСР: Понижена

КОРТИЗОЛ: ПОВЫШЕН

НОРАДРЕНАЛИН: ПОВЫШЕН

06:28

Все еще жду, пока система пришлет уведомление, что можно подняться из капсулы. Почему сегодня все так долго?

В полумраке спальни разбавленный запах кофе из капсульной кофемашины смешался со стерильной прохладой кондиционированного воздуха: система климат-контроля уже оценила профиль моей нервной активности и распознала повышенный уровень кортизола после сна. Сервоприводы панорамных жалюзи подняли прозрачные полимерные пластины, впуская бледный свет московского утра. Под напольным покрытием перераспределилась нагрузка микрогидравлических амортизаторов: жилой контур автоматически компенсировал вибрацию транспортных магистралей нижних уровней. Где-то в стенах щёлкнули магнитные клапаны климатического контура. Конденсат стекал по глянцевым панелям стены, блестя от неоновых вывесок за окном. Внутри стеклопакетов едва заметно мерцал слой электрохромной плёнки: дом автоматически регулировал прозрачность окон в зависимости от уровня ультрафиолета, плотности смога и нагрузки на зрительный нерв жильца.

Я наблюдал как на потолке проплывают потоки огней утреннего города. Солнце уже давно проигрывало конкуренцию неону, рекламным голограммам и промышленной дымке. Капсульная станция знала мой цикл пробуждения: в 06:06 активировалась керамическая группа нагрева, в 06:06:21 измельчённое зерно прошло через центробежный экстрактор, в 06:06:39 система скорректировала крепость напитка на основании анализа моей ночной нейроактивности.

06:36:39

Система огласила:

АНАЛИЗ НОЧНОЙ БИОМЕТРИИ ЗАВЕРШЕН

Голос из аудиомодуля направленной проводимости передавал звук через вибрацию каркаса капсулы прямо во внутреннее ухо.

ДОПОЛНЕНИЕ АНАЛИЗА

> **ДОГРУЗКА КОРКОВОЙ КАРТЫ...**

> **АНАЛИЗ НЕЙРОФУНКЦИОНАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ...**

> **ДОГРУЗКА НЕЙРОХИМИИ...**

СЕРОТОНИНОВЫЙ ОТКЛИК: Понижен

ДОФАМИНОВАЯ АКТИВНОСТЬ: Понижен

АМЕЛАТОНИНОВЫЙ ЦИКЛ: Нарушен

> **АНАЛИЗ НЕЙРОАКТИВНОСТИ...**

АМИГДАЛЯРНЫЙ ОТКЛИК: Повышен

ПРЕФРОНТАЛЬНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ: Понижена

КОГНИТИВНЫЙ ШУМ: Высокий

> **БИОХИМИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ СОХРАНЕН**

ВЫ ОТКЛЮЧЕНЫ ОТ КАПСУЛЫ

СЧАСТЛИВОГО ПРОБУЖДЕНИЯ!

ДАнные переданы в комитет по благосостоянию

РЕКОМЕНДУЕТСЯ: ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНАЯ РАЗГРУЗКА

ДАнные на роговичном датчике будут обновлены в течение 15 минут

Лучшая психоэмоциональная разгрузка — это наорать на систему, которая даже мое имя запомнить не может, но она тут же настучит на меня в комитет. В этот чертов комитет. Кстати, об этих кровопийцах. Именно данный корпоративный отдел — отдел «благосостояния» и этического (что бы это ни значило) трудоустройства — посоветовал вести мне что-то вроде дневниковых записей, чем эти изречения и являются, чтобы выяснить, по какой причине мой цифровой профиль вне нормы, а кортизол в биохимическом составе с утра повышен. Еще к данным показателям добавилось то, что часть моих метрик система периодически не считывает вовсе.

Спрашивается: зачем всё вокруг украсили, как новогоднюю ель, диким количеством датчиков, сканеров и устройств на основе искусственного интеллекта? И тут у меня впервые промелькнула вполне логичная мысль: неужели компанию, при получении результатов скана, ни разу не смутило, что у них вообще нет сотрудника с таким именем и моей фамилией? Кстати, а почему я так уверен, что фамилия моя? И передает ли система реальные данные или уже давно галлюцинирует что-то свое? Странно, что я задался этим вопросом только сейчас.

Впрочем, наверное, передает, ведь иначе как HR-отдел узнал об отклонениях в моем профиле. Барышня из отдела настойчиво попросила меня вести собственный отчет, записывая в него все действия, которые я совершаю в течение дня. И достаточно доходчиво рассказала про мое потенциальное направление, если я не буду следовать "рекомендациям". Эта строчка вообще не должна была войти в итоговые записи, но я решил ее оставить в своих рукописных: хотя бы они не отправлялись в комитет. **06:40:00**

Я сел на край матраса капсулы и спустил ноги на пол. По полу прошла едва заметная вибрация, мгновенно подогревая: инфракрасный контур подстроился под температуру тела. В ванной автоматически включился свет. Точнее, адаптивная фотонная плёнка на потолке, имитирующая естественное освещение. «Для снижения когнитивного стресса при пробуждении». Так писали в рекламных брошюрах.

Пока я дошёл до ванной, система уже подняла влажность воздуха и открыла подачу воды. За матовым стеклом клубился плотный пар.

Когда я вошёл внутрь, душ работал вовсю. Пар поднимался к потолку тяжёлыми волнами. Система знала мою привычку: сначала несколько минут просто стоять под горячей водой, пытаясь убедить себя, что новый день всё-таки стоит прожить. Я шагнул под поток. Температура держалась на привычных 37.3°C. Насосы работали ровно. Слышался только низкий гул теплообменника где-то за стеной.

06:49:00

В 06:49:52 система зафиксировала, что расход воды упал ниже порогового значения: я потянулся к сенсорной панели и перекрыл подачу. Уже через три секунды в кухонном блоке активировалась керамическая группа нагрева. В 06:50:01 кофемолка запустила цикл помола; в 06:50:07 измельчённое зерно прошло через центробежный экстрактор, а в 06:50:12 кофемашина уже наполняла чашку густым эспрессо.

Пока я вытирался полотенцем и выходил из ванной, термопластина под чашкой уже перешла в режим поддержания температуры.

Выпив пару глотков эспрессо, подошёл к окну.

С 47-го этажа Москва раскинулась под кислотным смогом как гигантская печатная плата: из облаков выхлопов на город ложился жар, но высотные рекуперационные теплообменники возвращали до 60% рассеиваемой энергии обратно в энергосистему. Сенсорные башни пронзали дымку, их красные индикаторы мигали в такт гигантской сети данных. За фасадами с панелями багрово-жёлтого рекламного света расстилались лабиринты улиц и магистралей.

Внизу вся Москва была покрыта почти невидимыми сетями сенсоров: микрофотонные датчики в асфальте отслеживали каждый шаг прохожих, тепловые лидеры фиксировали температуру тел, а камеры с нейросетями анализировали мимику и маршрут. Умные трамваи скользили по магнитным путям, летающие такси кружили между небоскрёбами – все они строили маршруты без вмешательства человека, считывали биометрические параметры пассажиров и оптимизировали расписание в реальном времени. Рои бесшумных сервисных дронов ремонтировали дороги и фасады: колечки их электродвигателей плавно вращались, стабилизируясь микрогироскопами, пока нанополимеры заполняли изъяны асфальта и очищали фотосенсорные панели.

Даже ночью Москва работала на динамической нагрузке, подобно реактору: свет менялся в зависимости от ветра, из ливнёвок поднимался тёплый пар, а транспортные артерии не пусто-

вали — беспилотные грузовые поезда на сверхпроводящих опорах с азотным охлаждением сновали по магистралям, обеспечивая логистику. Во всём городе под асфальтом простирались волоконно-квантовые магистрали передачи данных, а вдоль фасадов — микрофотонные сенсоры. Каждый перекрёсток считывал походку людей, каждая витрина — направление их взгляда. Город превратился в единую сенсорную экосистему, способную учесть усталость и настроение любого прохожего — но система «Градиента», за которую я отвечал, предсказывала эти параметры ещё раньше, чем человек осознавал их сам.

Внизу плавно прошёл магнитный трамвай нового поколения: вагон буквально парил над монорельсом, опираясь на сверхпроводящие подушки, и сквозь стекло были видны его пульсирующие синие стабилизаторы. Над магистралью пронеслось летающее такси. Система воздушного движения мгновенно перестроила полёты сразу трёх аппаратов, избежав потенциального турбулентного столкновения — всё произошло за доли секунды, ещё до того как человеческий мозг успел заметить проблему. Это был наш новый мир, где города учатся предугадывать человека ещё до того, как тот сам осознаёт свои потребности. Именно этим я и занимался в «Градиенте».

Строго говоря, я инженер «средовой когнитивной синхронизации»: моя задача — так настраивать город, чтобы он понимал человека лучше него самого. Наша компания долго разрабатывали инфраструктуру, где всё было связано со всем: транспорт, реклама, медицина, полиция, бытовые системы, маркетинг, муниципальные алгоритмы. А моя с коллегами задача бесконечно ее дорабатывать и совершенствовать, пока система не сможет совершенствоваться сама себя. Мы выстраиваем сеть нейросенсоров, чтобы улицы знали твой день, а ты успеваешь только порадоваться, что всё под контролем. И люди быстро привыкли: техника улавливает каждый твой вздох и угадывает мысль, никакой ответственности, лишь счастливое перекладывание ответственности на бездушные машины, которые пока что стабильно дают сбой. Таков наш мир и меня такие технологичные перипетии вполне устраивают.

Вернее, сначала я не жаловался и не понимал недовольства коллег (ведь они же работают в самой техничной монополитной компании как можно жаловаться на технологии). Хочешь кофе — кофемашина уже греет воду. Хочешь уйти с работы пораньше — транспортный ИИ заранее прогружает в твой роговичный датчик карту оптимального маршрута (правда еще об этом уведомят твоего начальника прежде, чем встанешь со стула). Начинаешь впадать в депрессию — квартира уже заказала порцию антидепрессантов, исходя из твоих показателей. И все раньше, чем ты признаешь проблему самому себе. Ведь это супер удобно, когда за тебя уже все решили, но потом в экспоненциальной прогрессии начало раздражать.

Не было и единой микроэмоции, которую не прокомментировала бы система. Все дошло до того, что она газовым нейтрализатором усыпила мне трехмесячного котенка, потому что, по ее мнению, с вероятностью 40% у меня появится аллергия на шерсть. Я остался без пушистого. И теперь у меня ни ребенка, ни котенка. Насчет детей, эта штука разрушила и мои отношения, так как система сказала нам с партнершей, что с вероятностью 80%, после того как мы заведем двух детей, расстанемся. И девушка меня бросила. Родственники (и с ее стороны, и даже с моей) поддержали данное решение. Видимо, никого не смутили оставшиеся двадцать процентов.

В общем, человек больше не доверяет себе принятие решений, за него все делает машина — точнее, среда мягко подталкивает его к «оптимальному» выбору. Но смерть — всё ещё оставалась дырой в системе. Никакая предиктивная аналитика не умела нормально работать с отсутствием человека. Все наши модели строились на повторяемости: поведение, привычки, паттерны реакции, биохимия, цикл принятия решений. Даже хаос давно научились обчислять через вероятностные отклонения. Но когда человек умирал — система теряла объект прогнозирования. Для инфраструктуры это было почти оскорблением.

И вот, год назад, «Градиент» объявил о запуске нового закрытого проекта. Название сообщили сразу — «СЕАНС 2.0». У всех возник вопрос: почему 2.0? Но в детали нас не посвятили, будто одного названия уже должно было хватить для нужного эффекта. Это был первый и последний раз за годы моей работы в компании(с момента создания внутренней XR-системы), когда собрание проводили и личным присутствием абсолютно ВСЕХ сотрудников. *Поясню: в «Градиенте» физические собрания давно считались бессмысленной нагрузкой на инфраструктуру. Большая часть внутренних синхронизаций проходила через систему XR-присутствия: сотрудник оставался у своего терминала, подключался к корпоративному нейрошлуту, после чего его объёмный аватар в реальном времени проецировался в VR-амфитеатре переговорного сектора. Система телеметрии считывала микромиимику, паттерны движения глаз, мышечные импульсы лица, задержку реакции, плавающие изменения голоса и даже характерную моторику рук, чтобы цифровая модель соответствовала поведенческому профилю сотрудника в пределах допустимой погрешности.*

Формально ты присутствовал на встрече лично. Де факто — даже не вставал с рабочего места.

Даже топ-менеджмент предпочитал появляться в виде проекций: живые встречи плохо вписывались в KPI по производительности, внутренние протоколы биометрической безопасности и общую эффективность распределённой сети отделов.

Обычно так собирали либо перед аудитом, либо когда службе внутреннего мониторинга было важно видеть не только твоё лицо, но и сырые показатели нервной активности без фильтрации поведенческими модулями.

Тогда на сцену даже лично вышел сам Холодов — исполнительный директор направления перспективных сервисов — и с тем выражением лица, с которым объявили в 2061 о колонизации Марса, сообщил:

— Человечество стоит на пороге крупнейшего технологического скачка XXI века. И мы стоим за этим величайшим скачком для человечества.

Когда директор департамента произносит слово «человечество» чаще двух раз за минуту — жди бюрократическую мерзость. И как в воду глядели. NDA раздали прямо в зале. Всем сотрудникам выдали обновлённые какой-то "обновленный пакет". И "расширенный" — для тех, кто имел доступ к архитектуре проекта. Как выяснилось позже, это означало, что инженерам, работавшим с архитектурой системы, запретили обсуждать проект даже внутри компании. Под ограничения попали все: дизайнеры, маркетологи, аналитики, специалисты соседних отделов и даже часть технических команд, обслуживавших инфраструктуру. Спустя несколько недель руководство внезапно закупило вычислительные мощности, сопоставимые с нагрузкой муниципальной инфраструктуры половины Москвы.

Потом появился третий уровень допуска. Вот тогда стало по-настоящему не по себе, ведь официально его наличие не подтвердилось. Но все всё поняли, так как часть людей просто испарилась с общих этажей: их внутренние профили деактивировали, имена пропали из корпоративных списков, а система навигации башни перестала отображать некоторые сектора.

Тогда и поползли слухи. Сначала абсолютно бредовые. Например, что большую часть программного ядра вообще пишет всего лишь один человек. Уже звучало абсурдно: код такого масштаба давно уже не создаётся вручную, для этого двадцать лет назад «Градиент» выпустил собственную систему автономной разработки — инженерный ИИ, способный самостоятельно собирать, тестировать и оптимизировать код быстрее целых проектных групп. Я это знаю только потому, что хорошо помню как тогда это систему только ввели, а я только устраивался на работу и ужасно психовал, что из-за нововведений не попаду в штат. Но, судя по утечкам из внутренних каналов, даже этой системе не доверили основную архитектуру «СЕАНСа».

В итоге оказалось, что они замахнулись на полноценную эмуляцию сознания. Или хотя бы на что-то достаточно похожее, чтобы инвесторы перестали задавать лишние вопросы. До

сих пор не понимаю, чем конкретно они там занимаются и как они это собираются реализовать, но последние полгода в компании все ходили на цырлах.

А вообще, недавно руководство внезапно закупило вычислительные мощности, сопоставимые с нагрузкой муниципальной инфраструктуры половины Москвы. Вот тогда стало не по себе даже мне. Но больше всего меня напрягало другое: за отведенный срок невозможно было построить систему такого уровня. Даже при ресурсах «Градиента». Особенно, если делать всё с нуля. Особенно, если соблюдать нормальные циклы тестирования. Особенно, если внутри проекта действительно работают живые люди, а не загнанные в серверные стойки биопроекторы.

Фокус был в том, что никто толком не понимал, сколько человек вообще участвует в разработке. Каждый отдел видел только свой крошечный сегмент, а сотрудники верхнего уровня подписывали отдельные протоколы неразглашения, существование которых компания даже не пыталась комментировать.

07:44

Долой ретроспективу! Пора выходить на работу.

Входной вестибюль моего здания как обычно пах синтетической сосной. В момент, когда я переступил порог, подъехал пневматический трамвай; его двери бесшумно и синхронно раздвинулись. Внутри трамвая проекторы на сетчатку рассыпали таргетированную рекламу:

**ВАШИ БИОМЕТРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ПОКАЗЫВАЮТ СУБКЛИНИЧЕСКУЮ
ДЕПРЕССИЮ (86% СОВПАДЕНИЕ)**

**СМЕСТИТЕ ВЗГЛЯД ВПРАВО ДЛЯ ПОКАЗА ГЕНЕРИКОВ
ОБНАРУЖЕНЫ МИКРОТРЕМОРЫ В ДОМИНИРУЮЩЕЙ РУКЕ
ПРИМЕНЕНА СКИДКА НА НЕЙРОСТАБИЛИЗАТОР**

Я моргнул, отгоняя призраков рекламы.

Через проход женщина лет шестидесяти. Её запястный медицинский модуль мигал зелёным:

ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ: СТАБИЛЬНО

При этом она беззвучно плакала, глядя в окно. И система не считала это отклонением. Если "стабильно плохо", то индикатор прав. Отвернулся. Мне неловко смотреть на подобное. Я себя чувствую неуютно, наблюдая за чужими эмоциями.

Переключил внимание: за стеклом проплывала Москва — мрачная, кислотная, перенасыщенная информацией. Сквозь смог торчали антенны ретрансляторов, башни сенсорных комплексов и аэродромы дронов. Между зданиями ползли сервисные платформы. На фасадах работали рои ремонтных микромашин, меняя повреждённые панели. Иногда мне казалось, что люди в этом мире стали необязательным приложением.

Вдалеке башня «Градиента» поднималась над деловым сектором как огромный радиатор вычислительного кластера. Архитекторы специально сделали фасад похожим на теплоотводящие пластины процессора — руководство обожало инженерную символику.

Трамвай ускорился и вылетел через районы, где сталинские горгульи на крышах зорко следили за стаями дронов.

На пересадке у «Тверской» нищий перегородил эскалатор. Его SAPFIR-приёмник светился болезненно голубовато-белым светом искажённого сигнала. Из динамика послышался запинаящийся детский голос: «Папа... температура... 41,2... Цельсия... ошибка... ошибка...» Нищий прижал устройство к уху как святую реликвию. «У Миши вчера сбилась температура, — прошептал он в никуда. — Доктор говорит...вероятность летального исхода... 97,4%... пожалуйста, внесите оплату...Я бросил в его чашку пятирублёвую монету. Она с глухим звоном ударилась о керамику, но звук мгновенно поглотил рев станции. Глаза бедняка встретились с моими — два тусклых экрана, на которых давно погас пользовательский интерфейс человека.

8:03 и капсульный вагон метро уже несет по "Сокольнической" в сторону станции близь корпорации.

Вышел из метро — и сразу вход в величественную корпорацию. На входе каждый раз дезинфицировали какой-то смесью, чей состав для меня за двадцать лет работы оставался и остается все еще загадкой.

Миллиметровые волны прошли по телу.

Система распознала меня мгновенно....

МИХАИЛ ВОРОНЦОВ

ДОПУСК: OMEGA-4

— Доброе утро, Михаил, — отозвалась стойка регистрации.

— Значит, тут ты меня распознала.

— Я знаю всех и обо всем.

— А чего дома меня не узнаешь?

— Не обладаю подобной информацией.

Забавно, как одна и та же система и распознает и не распознает меня.

«Континуум» в городе существует, если мне память не изменяет, с 2045, но до сих пор большинство людей думает, что это набор отдельных сервисов. А на деле это одна система. Именно через неё проходят все биометрические сводки, прогнозы поведения, медицинские рекомендации, транспортная синхронизация и корпоративные профили. По сути, «Континуум» — это прослойка между человеком и городской инфраструктурой.

Роговичный датчик, домашняя капсула, медицинские импланты, транспортные терминалы, рабочие контуры, муниципальные сервисы — всё стекается туда. Система непрерывно собирает биохимию, нейрометрию, поведенческие отклонения, когнитивную нагрузку, уровень стресса, динамику сна, эмоциональные реакции, социальную активность и ещё чёт знает что.

Лобби гудело тихим машинными вентиляторами. Вентиляционные турбины под потолком работали в переменном режиме, компенсируя тепловую нагрузку почти четырёх тысяч сотрудников. За прозрачными стенами серверных шахт двигались роботизированные платформы с модулями памяти, будто эритроциты внутри гигантского металлического организма.

Я поднялся на свой родной сорок второй этаж. Далее мимо общих офисных столов с клерками и занять кабинет.

Наш сектор занимался средовой когнитивной синхронизацией, проще говоря, обучал инфраструктуру предсказывать человеческое поведение раньше самого человека. Если раньше «Континуум» в основном анализировал данные, то сейчас, судя по происходящему внутри «Градиента», его хотят окончательно перевести в режим автономного принятия решений. В «Градиенте» подобное называют «бесшовной средовой адаптацией». Нормальные люди раньше называли это контролем, тоталитаризмом. Диктатурой. То есть мы сейчас проектируем цифровые среды, в которых любая средневероятностная случайность становится экономически невыгодной.

Моё рабочее место встретило меня мерцающим интерфейсом и сообщением от корпоративного отдела благосостояния:

НАПОМИНАНИЕ ВЫ НЕ ЗАПОЛНИЛИ УТРЕННЮЮ ЭМОЦИОНАЛЬНУЮ СВОДКУ

Закрыл уведомление.

К слову, мой кабинет с полностью прозрачными стенами, ведь это повышает уровень доверия в коллективе. В чем смысл отдельного кабинета тогда вообще не ясно. Моё рабочее место, как обычно, купалось в трупном свете неисправных панелей.

Справа уже сидел Коля из нейрокартографии. Невыспавшийся, помятый, с дрожащими пальцами и пятном кофе на рукаве.

— «Узел-8 опять блюёт кодами ошибок», — крикнул он на весь отдел. — «Разберитесь уже, что творится в проде».

Я не знаю, с кем именно он разговаривал: половина отдела давно общалась через служебные когнитивные каналы «Континуума». Люди уже реже говорили словами через рот, предпочитая перебрасываться мыслеобразами и короткими текстовыми пакетами прямо через роговичный интерфейс.

— Я в курсе, что код писал наш продукт, значит, разбирайте ошибки вручную и разберитесь, почему робот пишет дерьмовый код не первый год. — И под нос буркнул: — Балаган дармоедов.

Коля наконец отвёл взгляд куда-то в сторону — видимо, закрыл служебный канал — и только после этого заметил меня.

— Привет, Миш! Ты уже опробовал обновление "Континуума"?

— Доброе, а было обновление?

— Вроде как. Модуль памяти обновили. Говорят, теперь «Континуум» дольше держит когнитивный слепок без распада паттернов.

Я расхохотался так, что несколько человек в отделе обернулись.

— Ты это... Потише. Что тебя так развеселило?

— Моим именем меня система так и не назвала.

— Иронично.

Он усмехнулся и потянулся за стаканом с давно остывшим кофе, но тут же снова нахмурился, глядя куда-то поверх моего плеча.

— Кстати, ты видел, что творится внизу?

— Где именно?

— В лобби. Там с утра половина администрации шастает, безопасники, какие-то военные в серых кителях, люди из фонда инфраструктурного развития, ещё делегация из министерства. Я пока поднимался, думал, у нас либо аудит, либо теракт.

— Ни то ни другое. Сегодня презентация для инвесторов.

При слове «презентация» коллега поморщился. Каждый раз, когда компания анонсировала новый продукт, бюджеты остальных отделов мгновенно начинали утекать в сторону очередного «технологического прорыва». Всё остальное в этот момент будто переводили в режим деградации: обслуживание откладывалось, сроки сдвигались, инфраструктура разваливалась на ходу, - менеджмент за столетнюю историю компании научился направлять свой фокус только на один продукт за единицу времени.

Обычно в такие дни компания превращалась в проходной двор из инвесторов, консультантов, аналитиков и прочих людей, которые любили смотреть на красивые графики, но почему-то никогда не появлялись, когда ночью падал прод.

Впрочем, сегодня был особенный день: день закрытого показа «Континуума».

— Лучше бы усовершенствовали текущие продукты, а не клипали новые. У нас рук не хватает, а джунам я такое доверить не могу.

— Я думал, ты их ии заменил.

— Ага, хрен-с-два, эта шняга пишет всё еще на костылях, которые ломаются, потом приходится все вручную поднимать. А потом еще и отчет составлять: что не работает, почему не работает и как я это починил. Времени (...) уходит. Поэтому пока все вот этими ручками.

— А что у тебя произошло?

— «Проект репликации знаменитостей для социальных сетей».

— И что с ним?

Я опустил в кресло. Голопроектор замерцал, оживляя дрожащий призрак поп-звезды некой Алины V. Её цифровые глаза закатились, а рот растянулся в безмолвном крике. В кон-

соле разработчика висело: КОЛЛАПС ВЕКТОРА ЛИЧНОСТИ — ЦИКЛ 14, ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СОГЛАСОВАННОСТЬ всего 12%.

— У неё парень умер, — пробормотал Коля. — Настоящий, не лицензированная копия. Система не может согласовать паттерны горя с бренд-контрактом.

Цифровой двойник певички продолжал обращаться к воспоминаниям о пляже в Крыму — несанкционированные данные. Каждое воспоминание вызывало каскадные сбои в её модулях коммерческой лояльности.

— Переопредели эпизодический буфер, — прозвучало оно как приказ. — Внедри синтетические воспоминания, делов-то.

Видя недовольное выражение коллеги, пришлось добавить:

— Естественно, это временно. До новых указаний. Но хотя бы так исправить сейчас надо.

Пальцы Коли заплясали по интерфейсу. На экране кричащий рот госпожи V. превратился в джингл косметического бренда. Её дрожащие руки потянулись к виртуальным бутылкам шампуня.

— Видишь? Как новенькая, — ухмыльнулся Коля. В это время мой собственный роговичный дисплей мерцал предупреждениями о бессоннице и неспособности считать жизненные показатели. Что б вас! Еще и на это жалобу писать. Поскольку этим уже не занимается наша компания, придется просто заполнять от имени клиента, а там рассмотрение и починка могут тянуться неделями, а то и месяцами.

Я занял свое рабочее место и стал заполнять отчет о работе умного дома в моем жилом контуре, а также дополнительно начиркал жалобу потребителя по той же теме. Не хочу представлять нытиком, но это происходит третий раз за неделю, негоже для компании с мультимиллиардным оборотом гробить собственных сотрудников. Даже за свой счет!

— Видел новости в ленте компании? — спросил он.

— Я ее давно не читаю, потому что у нас каждый день либо технологическая революция, либо корпоративная катастрофа. Так, какие именно?

— Сегодня революция.

Он повернул ко мне экран.

На нём мелькала внутренняя презентация проекта.

СЕАНС 2.0

ЦИФРОВАЯ НЕЙРОЛИЧНОСТНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

ПРОТОКОЛ ПОСМЕРТНОГО КОММУНИКАТИВНОГО СОХРАНЕНИЯ

— Так я про это тебе минут пять назад сказал. Но зато мы теперь знаем официально, над чем они работали под такой секретностью работали.

— Это точно.

— Но, пресвятая материнская плата, кто пишет эти названия?

— Маркетинговый отдел по работе с коллективным мнением.

— М-м. Понятно.

— Пишут, что всем сегодня работать без допперекуров, чтобы нас не видели из администрации и инвесторы из Евразийского фонда инфраструктурного развития.

— Значит, сегодня там красиво продадут конец смерти человечества.

— Нам надо тоже там быть.

— Я не пойду.

— Да брось, должно быть интересно!

— Не хочу сидеть среди вояк (я так называю военное подразделение). Мне некомфортно.

— Здоровый лоб а ведешь себя...

Зафиксирована попытка сексистско-эйджисткого высказывания. Второе предупреждение. Счетчик будет сброшен через месяц.

— Уже второе?

— Меня воспитывал дед. А ты знаешь, он был человеком вообще не толерантным.

— Да, ребенок 90-х что еще от него можно было ожидать.

14:40

Громкоговоритель: «В 15:00 начнется презентация продукта «СЕАНС 2.0» с отчетностью перед инвестиционным Фондом...»

— Ну что, — пробормотал Коля, поднимаясь, — пойдём смотреть, как капитализм победил смерть.

Какое дурацкое название. Маркетологи в этот раз явно схалтурили.

Громкоговоритель: «Просим сектор А с отдела 17 по 28 пройти в зал 3.»

— Эй, что за дела? А технический отдел?

— Они решили обойтись без нас.

— Все равно пойдём, авось пустят.

— Это вряд ли, но у меня все равно срочных задач нет.

14:54

Особый сектор α-12, перед залом 3.

— Пропуск только для сотрудников с уровнем допуска А-17 и выше, — спокойно произнесла девушка из внутренней безопасности, даже не поднимая глаз от интерфейса. — Остальным необходимо вернуться к рабочим зонам.

— В смысле «вернуться»? — Колян нервно усмехнулся. — Мы вообще-то половину инфраструктуры под этот цирк держим. Хоть посмотреть-то можно?

— Нет.

— Да ладно тебе, мы даже не гуманитарный отдел (так у нас называют в техническом смм, маркетинг, дизайн и пр.)

Охранник рядом с турникетом даже не посмотрел в нашу сторону. Просто слегка сместил руку к панели блокировки прохода, и створки перед входом в конференц-зал погасли красным.

Колян раздражённо выдохнул.

— Совсем уже охренели со своей секретностью.

Нда, вот это далеко зашла корпоративная паранойя. Я уже было хотел вслух пошутить, мол, если их "СЕАНС 2.0" действительно умеет сохранять человеческое сознание после смерти, то у страны уже больше века как есть кандидат на бета-тест. Хотя, может, он является СЕАНСом 1.0? Подключили мавзолей к серверам и ждали, пока прогрузится обновление. Вот для него нужна была закупка такого дикого количества серверов различных мощностей!

Я вовремя прикусил язык. Шутка как-то слишком нешуточно точно вписывалась в контекст совокупности ситуаций, отчего для места, где половина людей имела доступ к государственным системам мониторинга, а вторая — к твоему личному делу, звучала бы опасно правдоподобно. В общем, нехорошо так шутить, будучи работником правительственной организации. Да и, если честно, или, как говорили старики, "положа руку на сердце", пусть хоть кто-то в этой стране продолжает просто лежать, а не проходит цифровую миграцию.

Колян все не унимался, а охранник стоял скалой, отодвигая моего коллегу подальше от турникета, чтобы те, кому предназначалось находиться в зале, могли спокойно пройти.

— Ладно, пошли отсюда.

— Миш, ну это уже бред какой-то, — продолжал Колян. — Они нас даже на презентацию собственного проекта не пускают.

— Я не думаю, что мы работали над ним.

— Но мы технический отдел...

— Ты подписывал их "особое соглашение"?

— Нет, но...

— И я нет. То есть, выходит, мы вообще не связаны никак с этим проектом.

— А кто им сервера держит?

— Ты и под эту категорию не подходишь.

— Ладно. Но этих цифровых мертвецов же надо будет как-то стыковать технически с городом. Или нет?

Тут он отчасти прав: неплохо было бы узнать техническую составляющую и принципы работы, чтобы потом не срочно-обморочно брейнштормить, как это все должно стыковаться с общегородской системой. Я наконец отвёл взгляд от заблокированного прохода.

— Пойдём, — сказал я спокойно. — Если нас сюда не пустили, значит, смотреть там всё равно не на что.

Колян недовольно цокнул языком, но всё-таки развернулся вслед за мной обратно к рабочим секторам, оставляя за спинами двери конференц-зала.

16:38

42-й этаж, кластер рабочих мест А-30

— Как думаешь, эту запись собрания для всех опубликуют?

— Очень сомневаюсь. Глупо как-то с их стороны не пускать людей на презентацию, которую потом же и опубликуют для всех.

— Может, они просто хотят, чтобы важные шишки узнали об этом первыми?

— Честно, мне как-то все равно. Но было бы славно узнать об их планах стыка мертвецов и городской системой. — А, может, они и не планируют их пока с "Континуумом" стыковать.

— А как тогда?

— Видимо, как-то по-другому.

— Крайне содержательный ответ для инженера.

— Я имел в виду, что если они даже тебя не пустили, то, значит, логично, что не планируют стыковать.

— Изобретут еще одну технологию?

— Все может быть. Дед бы на это ответил: "Больше технологий богу технологий".

Остаток рабочего дня прошел с головой в работе.

23:48

Наконец-то дома.

— Добрый вечер, Андрей, — произнесла квартира.

Система освещения мгновенно активировалась по классическому вечернему маршруту движения: прихожая, коридор, кухня. На столе уже стоял подогретый ужин из мультиварки. ТО есть еду мы приготовить можем, а имя запомнить - нет. Есть не хотелось, замер посреди кухни, смотря вникуда.

— Зафиксирован повышенный уровень утомления. Рекомендуется сократить время бодрствования.

— Удивительно ценная рекомендация, спасибо.

Пауза.

— Не стоит благодарности.

— Ты знаешь что такое сарказм?

— А мне стоит знать?

Перед сном всё-таки оставил ещё один запрос в обслуживающий комплекс. Подробно расписал сбой идентификации, задержку пробуждения и скачок температуры в душевом контуре. Даже приложил диагностические логи.

Ответ пришёл через три секунды:

GRADIENT FACILITIES MGMT: Заявка принята. Калибровка системы будет выполнена в течение 24 часов.

Лёг в капсулу в 01:12:24.450.

Металлическая крышка медленно опустилась над головой.

ДОБРОЙ НОЧИ!

Запись 2

Москва | 2069-04-20

05:59:59.680

Резкий импульс аудиоканала ударил по ушам раньше, чем капсула успела запустить штатный цикл пробуждения. Внутри корпуса коротко щёлкнули сервоприводы, по прозрачному полимеру пробежала полоска системной индикации.

Женский голос среды огласил:

**ВХОДЯЩИЙ ПРИОРИТЕТНЫЙ КОНТАКТ ЛЕБЕДЕВА АННА СЕРГЕЕВНА
УРОВЕНЬ ДОСТУПА: А0**

Меня будто током прошибло. Я поднялся так резко, что лбом впечатался в ещё не раскрывшийся сегмент капсулы. Полимер глухо хрустнул, сенсоры мгновенно считали удар, только после этого система аварийно подняла крышку.

Последний раз директорский уровень связывался с нашим сектором напрямую только после аварии на «Узле-4», когда нейросеть полтора часа путала медицинские дроны с санитарными утилизаторами. Я принял вызов. Её лицо прогрузилось не полностью: только дрожащая световая проекция поверх помех зашифрованного канала.

— Михаил, вы должны немедленно прибыть в амфитеатр башни.

Они хотят чтобы мы присутствовали лично? Даже так?

— А что случилось?

— А вы прям не знаете? На секунду в линии стоял только белый шум квантового канала и далёкий гул серверной вентиляции.

Система тут же влезла поверх звонка:

**ЗАФИКСИРОВАН САРКАЗМ В РИТОРИЧЕСКОМ ВОПРОСЕ
РЕКОМЕНДАЦИЯ: НЕ РЕАГИРОВАТЬ НА ЭЛЕМЕНТ ПАССИВНОЙ АГРЕССИИ**

Я закатил глаза. То есть она все-таки знает, что такое сарказм. Значит, научилась придумывать: очень мило. То есть есть вариант, что и имя она мое знает, но из цифровой вредности не называет, верно? Хорошо ещё, что внутренние комментарии среды не транслировались в канал связи. Наверное.

— Раз спрашиваю, логично, что не знаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.